

Иван МАКАРОВ

ТАТАРИН

Рассказ потерявшегося человека

Я заночевал возле метро Новокузнецкая, где была раньше церковь Параскевы Пятницы.
На лавке.

Был август, но по ночам бывало уже холодно.

Особенно к утру. Часам приблизительно к трем.

Я пытался *закутаться сам в себя*, это отчасти помогало, но уснуть не удавалось ни на минуту.

Иногда я подымался, ходил. Пытался согреть себя хоть медленным, но телодвижением и перемещением в пространстве, а заодно, если удастся, стрельнуть у кого-нибудь сигарету или найти большой окуроч.

Начинало светать.

На одной незанятой лавке лежала сумка, из которой выглядывало что-то хлебное. Вокруг никого не было. Я подошел, лениво заглянул, особенно сильно меня это пока не интересовало.

– Не трогай!

Я повернулся. Кричал безногий человек на коляске, укрывшийся за новейшей конструкции (больше метра вышиной!) клумбой.

– Подойди.

Я подошел.

– Хлеб бери. Хоть весь бери. Куртку не трогай.

Я и не видел, что там была какая-то куртка.

– Слушай, сигарету дашь?

– Как, целую сигарету? – безногий широко и удивленно раскрыл глаза.

– Ну, хоть бычок оставь.

– Как, целый бычок?

Безногий еще шире раскрыл глаза и стал искать в своих доспехах. Найдя, вывалил мне больше половины пачки каких-то шикарных темных сигарет.

– И хлеб бери.

– Спасибо.

Я поплелся в сквер, к фонтану ополоснуть руки, посидеть на гранитной лавке, тихо посидеть, покурить, подумать о будущем. Ближайшем, разумеется.

Я умыл руки, сел на гранитную лавку. Закурить не успел.

Иван Макаров родился в 1957 году в Москве. Окончил химико-технологический институт и заочно литинститут им. Горького. Работал инженером, слесарем, дворником, сторожем и т.д. Публиковался в журналах и альманахах «Новый мир», «Знамя», «Юность», «Поэзия», «День поэзии», «Плавучий мост», «Крещатик», «Нева» и др. В 2006 году вышла книга стихов. Живет в Калужской области. В «Волге» публикуется с 2017 года.

Сквер там не очень большой, но и не маленький. На другом конце его сидели люди. Неожиданно один из них в белой рубашке встал и быстро пошел ко мне.

Подойдя, широко распахнул бумажник, и стал быстро совать мне в дрожащие от холода руки сторублевки, рыжие, прекрасные...

И откуда он мог на таком расстоянии знать о моей беде, о моей нужде?.. Сквер-то не маленький, и еще не вполне рассвело...

– Спасибо, спасибо, дорогой... Куда мне столько, мне половины довольно...

– Бери, бери... Пригодится... Вас как зовут?

– Леша...

– А меня Фарид. Я татарин.

Он остался немного посидеть со мной, мы покурили, поговорили.

Я рассказал о моей сегодняшней злобе дня, о бомбах, падающих в одну воронку, и прочем. О том, что все украли, и документы, и деньги, и телефон, что я вернулся в Москву восстанавливать документы, а в Москве по причине летнего времени никого: ни родственников, ни друзей...

Фарид – оказался музыкант. Гитара, хотя консерву он кончал по классу баяна.

Еще он сказал, что пишет стихи, но прочесть отказался.

– Нет. Не могу. Плохие...

Ну, какая, скажите, может быть теория вероятности, если на таком расстоянии увидеть нуждающегося человека и поспешить на помощь!

Чудо? Не знаю. Спаси тебя, Боже, Фарид!

Я пошел отблагодарить безногого в коляске, предложил принести ему кофе (там, на Пятницкой, есть круглосуточное).

– Лучше чаю. Зеленого.

Я пошел, принес ему зеленого чаю, себя взял кофе, горячий, захватывающий.

Гладкий и вежливый узбек продавал...

Безногий ждал, пока остынет чай, смотрел, как голуби клюют из сумки его хлеб.

– Пусть, пусть клюют... Они тоже бедолаги.

Теперь я знаю, как жить.

Только бы не предать.

Только бы не забыть это прекрасное прохладное утро.

Теперь о том сквере, и о том, что рядом.

Когда-то там не было никакого фонтана с дурацкой скульптурой Андрея Вознесенского, было тепло (даже зимой) и уютно.

Гуляя по вечерам с бабушкой (мне было лет 6), мы часто проходили там.

Во время войны бабушка работала на какой-то фабрике бухгалтером (образование: 3 класса ЦПШ и 3 года ликбеза – и хватало!), там, на фабрике, у нее была подруга, еврейка, Ревекка Израилевна. Она жила там, в огромном прекрасном доме (модерн, начало двадцатого века), тоже в коммуналке, разумеется, но – с большим балконом, выходящим на тогда многолюдную Пятницкую.

Гуляя с бабушкой, мы иногда встречали ее. И Ревекка Израилевна непременно бежала купить мне мороженое.

Пломбир с вафлями был очень вкусный, но я страшно стеснялся тогда брать что-то у *чужих*, и поглощал его с трудом.

Про Ревекку Израилевну бабушка рассказывала: у нее был муж, и летом по воскресеньям он выбирался на свой прекрасный балкон и – на виду у всей улицы – вышивал там большой портрет товарища Сталина.

*Ой, калина, кáлина,
Большой нос у Сталина!
Больше, чем у Рыкова
И у Петра Великого...*

И за это сажали. Николай Константинович Старшинов возмущался: за что? Спели бы, что маленький, тогда хоть понятно...

Ну, что теперь?

Дорогой товарищ Сталин поцарил и прошел, муж Ревекки Израилевны тоже уже не на Пятницкой пребывает...

Что осталось, кто остался?

Настя на Авиамоторной, Ира в Коммунарке... И на родной моей Пятницкой безногий в коляске и хороший человек татарин Фарид, дай ему Бог здоровья и стать, и быть таким же хорошим музыкантом и поэтом, каков он хороший человек, что, конечно, гораздо важнее.